

Социальная история

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 48–57.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 48–57.

Научная статья
УДК 947.07(093)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-48-57>

ПРОБЛЕМА ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ДВОРЯНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС)

Аркадий Наумович
Долгих

Липецкий государственный педагогический
университет имени
П. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия, adonli@mail.ru

Аннотация. Статья представляет попытку рассмотрения одного из важных аспектов политической истории России дареформенного времени – так называемой обратной связи между государственной властью и дворянским обществом на протяжении XVIII – первой половины XIX в., в период правления ряда представителей династии Романовых, иногда более, а иногда менее заметной в зависимости от характера и самих монархов, и от общеполитической ситуации в стране. Их взаимоотношения рассматриваются прежде всего, в связи с решением крестьянского вопроса, то есть вопроса о крепостном праве (в особенности в отношении владельческой деревни) и изменениях в нем. При этом движение в этом отношении было двусторонним, в ряде случаев оно было инициировано самодержавием, но иногда и отдельные представители дворянского общества делали попытки ускорить его решение правительством (по-разному встречающиеся властями), чему свидетельством являются многочисленные дворянские проекты той эпохи, собранные автором за период правления Павла I, Александра I и Николая I (около 2000). При этом позиции разных монархов в этом контексте обратной связи с обществом были существенно отличны: так, например, Павел просто часто игнорировал такие общественные позывы, Александр и инициировал, и учитывал их, а Николай делал это же, но значительно в меньшей степени, предпочитая кулаарное рассмотрение данной проблематики. Выделены и отдельные сюжеты в данном контексте, в особенности вопрос о положении дворовых людей, продажи людей без земли, размерах ренты, рекрутчине, отдельных злоупотреблениях помещиков в отношении их владельческих крестьян.

Ключевые слова: крепостное право, дворянское общество, помещики, владельческие крестьяне, дворовые люди, продажа людей без земли, самодержавие, обратная связь, крестьянский вопрос.

Для цитирования: Долгих А. Н. Проблема обратной связи во взаимоотношениях государственной власти и дворянского общества в России в конце XVIII – первой половине XIX в. (крестьянский вопрос) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 48–57. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-48-57>

Сведения об авторе: А. Н. Долгих – доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42.

Scientific Article
UDC 947.07(093)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-48-57>

THE RELATIONS BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE NOBLE SOCIETY IN RUSSIA IN THE LATE 18TH AND EARLY 19TH CENTURIES (PEASANT ISSUE)

Arkady N. Dolgikh

Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russia, adonli@mail.ru

Abstract. The article is an attempt to examine one of the important aspects of the political history of pre-reform Russia – so-called feedback between the state power and the noble society throughout the 18th – the first half of the 19th centuries, during the reign of a number of Romanov dynasty representatives, sometimes more and sometimes less noticeable, depending on the nature of the monarchs themselves, and on the general political situation in the country. The author considers their relationship primarily in connection with the solution of the peasant issue, that is, the serfdom (especially in relation to the owner's village) and changes in it. At the same time, the actions in this regard were bilateral, in some cases initiated by the autocracy. However, sometimes individual representatives of the noble society made attempts to accelerate the government's decision (met in different ways by the authorities), as evidenced by the numerous noble projects of that era during the reign of Paul I, Alexander I and Nicholas I (circa 2000) collected by the author. The positions of different monarchs in the context of feedback differed significantly. For example, Paul often ignored such social urges, Alexander initiated and took them into account, and Nicholas did the same, but to a much lesser extent, preferring behind-the-scenes consideration of this issue. The article also highlights certain subjects in this context, in particular the issue of the domestic workers' situation, the sale of people without land, the amount of rent, recruitment, and individual abuses of landlords against their private peasants.

Keywords: serfdom, noble society, landowners, private peasants, domestic workers, sale of people without land, autocracy, feedback, peasant issue.

For citation: Dolgikh, AN 2025, 'The Relations Between the Government and the Noble Society in Russia in the Late 18th and Early 19th Centuries (Peasant Issue)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 48–57, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-48-57> (in Russ.)

Information about the Author: *Arkady N. Dolgikh* – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of National and World History, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 42, Lenin Str., Lipetsk, 398020, Russia.

Введение

Одним из мало изученных сюжетов политической истории России в дореформенную эпоху конца XVIII – первой половины XIX в. является вопрос о наличии контактов верховной власти с обществом, под которым, прежде всего, понимается дворянство, и обратной связи между ними. При этом, по словам исследователя А. Г. Данилова, исторический опыт показал, что «без делегирования части полномочий обществу, которое хотя бы частично структурировано..., без цивилизованных форм обратной связи между государством и обществом даже слаженно действующий государственный аппарат обречен на проведение неэффективной политики...» [2, с. 160]. Нас в данном случае, в основном, интересует здесь проблема внутренней политики самодержавия по крестьянскому вопросу, вопрос о крепостном праве в отношении владельческих крестьян, иногда понимаемый более широко как крестьянский вопрос вообще [15, с. 43–44].

Материалы и методы

Данный сюжет неплохо представлен письменными источниками, в особенности стоит отметить использование материалов дворянских проектов решения крестьянского вопроса, собранных автором за много лет – около 2000 (в основном за время правления Павла I, Александра I и Николая I), а также документы, связанные с обсуждением крестьянского вопроса и в высших правительственные сферах, и в дворянских обществах той эпохи, а также мемуары и переписку государственных и общественных деятелей той эпохи. При анализе этих материалов использовались различные методы, характерные для исторического исследования, например, компаративный.

Результаты и их обсуждение

В принципе, вроде бы здесь все ясно: самодержавная власть приказывала, общество, реагируя на эти действия правительства, исполняло его указания, и только. Однако иногда общество все же и «поправляло» в той или иной степени действия монархов: ярко это явление имело место уже в эпоху так называемых дворцовых переворотов второй четверти – середины XVIII в., важнейшими требованиями которых со стороны правящего сословия стали высвобождение его от обязательной службы, довольно тяжкой еще при Петре I, чего оно и добилось Манифестом о вольности дворянства 1762 г. Петра III, реализованным при Екатерине II, предоставление российскому дворянству права личной неприкосновенности (в Жалованной грамоте дворянству 1785 г.), а также превращение статуса владения ими населенных имений в частную собственность, что стало практически очевидным в результате реализации той же Жалованной грамоты 1785 г. При этом последним удавшимся дворцовыми переворотом стало устранение в 1801 г. Павла I, покусившегося на многие дворянские права и привилегии, хотя сходные ситуации имели место и позднее, по крайней мере, в эпоху Тильзитского мира, и в той или иной степени в 1812 г., не говоря уже о восстании декабристов в 1825 г. Менее заметно это явление в николаевскую эпоху и в связи с резким усилением самодержавия в это царствование, и с рядом других обстоятельств, которые не всегда очевидны.

Верховная власть, в принципе, сознавала подобную возможность (пусть и не всегда) и старалась (по мере сил) поддерживать постоянный контакт со своей основной классовой опорой, не допуская серьезной оппозиции, прежде всего, в лице дворянства (конечно, и само общество постепенно видоизменялось, но общим для данной эпохи оставалась в нем доминанта именно этого сословия). Способы реализации и формы этого явления в разные эпохи отличались. В екатерининское время само дворянское общество еще было достаточно слабым (во многом и само оно в значительной степени оформлялось не без участия самодержавия), и его вполне устраивали и освобождение от обязательной службы, и Жалованная грамота 1785 г., поэтому

его усилия в определенном давлении на власть и были незначительны (например, план бр. Паниных – Д. И. Фонвизина), хотя кое-что на сей счет все же проявилось, например, в Уложенной комиссии 1767–1768 гг. (в том числе в известной дискуссии о причинах бегства крестьян от помещиков и др.). При этом сама императрица довольно спокойно относилась к подобным попыткам, по крайней мере, до Великой Французской революции, позднее наказав за стремление в чем-то учить власть, например, Н. И. Новикова и А. Н. Радищева.

Павловский абсолютизм (во многом режим его личной власти) потому и был в чем-то тираническим, что почти полностью игнорировал некое совокупное мнение дворянства. Во всяком случае, серьезных усилий Павел в этом отношении не принимал. Эта эпоха правления своеобразного самодура – носителя власти оставила, тем не менее, определенную и довольно своеобразную форму взаимодействия, пусть и не самодержца, но наследника престола с обществом через прообраз Негласного комитета, имея в виду записку канцлера А. А. Безбородко 1798–1799 гг., во многом повторявшую идеи «законной монархии» Н. И. Панина и Д. А. Голицына в эпоху Екатерины II и обсуждавшуюся в кругу так называемых молодых друзей будущего императора Александра. Однако, если сам Павел в силу своего непреклонного характера и ярого стремления к абсолютному самовластию и не стремился к подобному общению (дескать, он знал сам, что надо делать), то само дворянское общество уже более или менее созрело, что, по мнению некоторых исследователей, впервые проявилось в своеобразной демонстрации – похоронах А. В. Суворова в 1800 г., а затем и в убийстве Павла в марте 1801 г. и реакции на это событие особенно столичного дворянства и офицерства [17, с. 189–192, 341–342].

Иное дело – Александр I, заигрывавший с обществом (а заодно, как афористично писал В. И. Ленин, и с либерализмом; спор на эту тему продолжается до сих пор) [8, с. 91; 10, с. 30], следствием чего стали многочисленные дворянские проекты преобразований в разных сферах жизни общества. Кстати, бывали времена, особенно при Александре I, когда и тайные (пусть и относительно) общества, и государственные структуры, опять же втайне друг от друга разрабатывали всякого рода проекты по решению крестьянского вопроса. Нами изучены преимущественно проекты, связанные с крестьянским вопросом. Их мы насчитали за его правление 994 (для сравнения при Павле – всего лишь 40), причем в ряде случаев они были прямо инспирированы верховной властью. Так, примерно с 1816 г., по словам С. В. Мироненко, монарх «настойчиво пытался добиться дворянской инициативы в решении этого крестьянского вопроса, кардинального вопроса русской жизни» [11, с. 67].

Правда, само их поступление «во власть» не было гарантией их реализации, а докучные «советодатели» (выражение Александра I) либо отстранялись от престола (В. Н. Каразин, М. М. Философов, В. С. Попов), либо даже отправлялись в заключение (Т. фон Бок). Эта же модель отношений, в сущности, имела место и при Николае I (1175 проектов и мнений разного рода, подавляющее большинство которых исходило от потомственных дворян – соответственно 94 и 96 % по царствованиям). Наиболее показательным (пусть и достаточно редким) для николаевского царствования был эпизод с беседой императора с выборными депутатами от смоленских помещиков в 1847 г., не имевший серьезных последствий [5]. В этом можно видеть особый ублюдочный суррогат парламентаризма, но только на это и могла пойти самодержавная власть в ту эпоху, в основном, ограничиваясь секретными комитетами, Государственным советом и другими преимущественно кулаарными органами, которые, в общем-то, не представляли настоящую панораму мнений тогдашнего общества, так как были населены представителями правящей бюрократии, которые только в конечном счете выражали дворянскую волю по тем или иным вопросам.

Рассмотрим основные темы интересующей нас общей проблемы крестьянского вопроса в данном контексте. Вопрос о продаже людей без земли был одним из тех, которые первоначально инициировала верховная власть уже при Петре I, Екатерине II и особенно при Павле I (когда появились первые серьезные ограничения на сей счет – запрет подобной продажи за казенные долги помещиков, а также в Малороссии). Но эти запреты, видимо, по большей части обходились помещиками (вспомним соответствующие пассажи у А. С. Грибоедова в «Горе от ума»). Вместе с тем многие представители дворянства (конечно, прежде всего, идеологи, а не какие-нибудь замшелые Коробочки), видя в этом явлении крайние формы крепостного права и, в общем, и не очень необходимые им (а для определенной их части и опасные из-за возможности легкого обогащения с последующим обнищанием, и по моральным соображениям в духе писаний А. Н. Радищева), также ставили перед верховной властью вопрос об ограничении или даже ликвидации этих форм фактической работоговли, чему было посвящено специально значительное количество дворянских проектов, а в большинстве из тех, которые, в принципе, касались социальных проблем, им было посвящено также много места (9 – при Павле I, 137 – при Александре I, 217 – при Николае I). Правительство со своей стороны реагировало на эти дворянские проекты, ставя данный вопрос на обсуждение в высших органах власти – в 1801 и 1802 г. в Непременном совете, в 1820 г. – в Государственном совете, а также в Сенате и др. [3, с. 132–161].

Но более или менее значительные изменения произойдут лишь при Николае I в первой половине 1830-х гг. (как некое наследие обсуждения проблемы в Комитете 6 декабря 1826 г. и следствие обсужденного, но практически так и нереализованного Дополнительного закона о состояниях 1830 г.), хотя сама продажа сохранится, в принципе, «под рукою», как тогда говорили, вплоть до отмены крепостного права в 1861 г., являясь пятном на репутации и России в целом, и российского дворянства. При этом странным здесь является тот факт, что именно эта сторона дела могла быть легко ликвидирована в тот период (так как она не затрагивала практически проблему земельного обеспечения дворянства), чем бы сделан был действительный шаг в продвижении идеи смягчения крепостного права, но этот вопрос так и не был окончательно разрешен до падения крепостничества [6, с. 246–263].

Особое отношение российского дворянства к дворовым людям (которых, видимо, прежде всего, и продавали без земли) было связано с восприятием их как исчадия ада, пьяниц, развратников, бездельников, а, с другой стороны, без них правящее сословие не могло обходиться в силу барских привычек к обслуге разного рода. Отсюда, может быть, и значительно меньшее уделяемое им внимание в упоминавшихся выше дворянских проектах, в том числе, например, в части контроля за жестокими помещиками, известными таким с ними обращением. Если в отношении продажи людей без земли цифры не очень точны, так как в большинстве случаев создатели их не отделяли в подобных случаях дворовых от основной массы владельческих крестьян, то вот в отношении контроля за злоупотреблениями помещичьей власти в виде жестоких наказаний и др. это положение очевидно (соответственно при Павле – 10 и 1, при Александре – 151 и 25, при Николае – 294 и 156; первая цифра – в отношении крестьян, вторая – в отношении дворовых). Возможно, поэтому в правительственной политике вопрос о дворовых людях был поднят довольно поздно (в том или ином виде в нескольких секретных комитетах николаевского времени), причем без существенных результатов в его решении [12, с. 100–106]. Этот вопрос стоял для внутренней политики того времени на обочине, возможно, именно из-за вполне определенного и негативного по преимуществу к нему отношения правящего сословия империи.

Одной из бед дворянства в те времена были, конечно, рекрутские наборы, постоянно отбиравшие у него работников. С этим правящее сословие не хотело мириться, но все же против власти ничего особенного сделать не могло, хотя и роптало на сей счет, что было широко известно. Поэтому правительство (иногда в том числе и по иным соображениям) думало о замене подобной системы комплектования. Так, уже при Павле I появляется некая идея, напоминающая будущие военные поселения, развившиеся при Александре I. Причем стоит здесь подчеркнуть, что это была именно идея последнего, хотя во многом она соответствовала интересам дворянства, тем более что эти поселения располагались, как правило, на землях государственных, а не помещичьих. Несмотря на это, порядки в этих поселениях, создаваемых под эгидой графа А. А. Аракчеева, вызывали возмущение у достаточно многих представителей дворянства, особенно офицерства, не всегда лишь по моральным соображениям, но и, исходя из тезиса о том, что крайне сложно сочетать полевую работу и солдатскую муштру, и, в том числе, из опасения усиления опоры монарха на эти воинские соединения с нарастанием угрозы тирании со стороны власти, в том числе и в отношении дворянства, тем более, что многое из этого уже проходили при Павле [18].

Вопрос о ренте и ее размерах все же чаще исходил также от верховной власти, хотя и понимание опасности «перегнуть палку» и вызвать бунт, подобный пугачевскому, присутствовало в тогдашнем дворянстве. Наиболее интересен в этом отношении знаменитый Манифест от 5 апреля 1797 г. об ограничении барщины (часто неверно трактуемый как «Манифест о трехдневной барщине», так как в нем запрещалась именно воскресная барщина, и лишь рекомендовалось не заставлять крестьян работать больше трех дней в неделю; заметим, что запрет барщины в праздничные дни появился лишь в 1818 г., а не при Павле, как иногда указывается в литературе). Это был своеобразный позыв со стороны власти, в определенной степени восходящий к исторической традиции, но резко усиливавший свое значение созданием специального гласного документа, да еще и приуроченного к коронации монарха [3, с. 181–209].

Это не могло не сказаться на дворянской общественной мысли в целом, которая, в общем-то, приняла эти ограничения и критиковала, как правило, в дальнейшем злоупотребления на сей счет отдельных помещиков, хотя нарушения этого вроде как установленного свыше порядка носили на практике постоянный характер. Число проектов, рассматривавших данный вопрос, велико (при Павле – 11, при Александре – 171, при Николае – 269). Особенно здесь стоит отметить, что данное положение было довольно общим местом даже в весьма консервативных проектах, которые все же считали подобные ограничения помещичьей власти верными. С другой стороны, не забудем, что такие ограничения по-разному рассматриваются сегодня, например, исследователем Б. Н. Мироновым, отмечавшим, что русский крестьянин работал на барина более, чем вдвое, меньше, чем рабы на плантациях тогдашней Америки [13, с. 400].

На вопросе о контроле за жестокими помещиками сходились обе стороны – и дворянство, и самодержавие. Для консерваторов-идеологов типа А. С. Шишкова, сторонников тезиса «помещики – отцы родные для крестьян», этот контроль признавался необходимым, чтоб не портить нужной благостной картины этих взаимоотношений, для других – чтоб не допустить пугачевщины, для властей – в связи с необходимостью сохранения порядка и государственной безопасности в крестьянской по преимуществу стране. Правда, активность верхов в этом отношении была не столь большой и, скажем так, во многом спорадической (при том, что тенденции развития в данном вопросе до конца не изучены, хотя можно считать, что движение здесь шло по нарастающей – от Екатерины II до Николая I, хотя отдельные факты на

сей счет имели место и в XVII в., и при Петре I). В этой связи отметим, что пресловутая Салтычиха, с нашей точки зрения, если и не была типичным представителем подобных действий, с которыми пыталась бороться и верховная власть, и определенная часть правящего сословия, но она, в общем, мало отличалась от сходных по образу мыслей и действий в отношении подвластных им крестьян помещиков круга Простаковых и Скотинина, а не так, как это подается сегодня некоторыми публицистами, приукрашивающими крепостное право в России.

Роль дворянства и его взаимоотношения с владельцеским крестьянством в до-реформенную эпоху сегодня по-разному оценивается в литературе. И здесь на первое место выходит фигура Салтычихи – типичной или нетипичной представительницы клана Простаковых, Скотинина и иже с ними, либо А. И. Герцена, Н. П. Огарева, декабристов. В этой связи, действительно, единичные факты и фигуры мало что значат. Однако данный спор не является пустым. Так, в свое время И. А. Бунин в своих «Октябрьских днях» писал: «“Салтычиха, крепостники, зубры...” Какая вековая низость – шулерничать этой Салтычихой, самой обыкновенной сумасшедшей. А декабристы, а знаменитый Московский университет тридцатых и сороковых годов, за-воеватели и колонизаторы Кавказа, все эти западники и славянофилы, деятели “эпохи великих реформ”, “кающийся дворянин”, первые народовольцы, Государственная Дума? А редакторы знаменитых журналов? А весь цвет русской литературы? А ее герой? Ни одна страна в мире не дала такого дворянства». Среди современных сторонников более мягкого отношения к крепостному праву (по крайней мере, в данном отношении) – Б. Н. Миронов, а также прямой апологет крепостного права А. В. Савельев. С другой стороны, как писал Б. Ю. Керженцев, «крепостное рабство стало преступной взяткой, которой правительство покупало дворянскую поддержку и лояльность». Мы придерживаемся здесь традиционной точки зрения, и для нас вина и самодержавия, и дворянства за физическое и морально-нравственное угнетение подвластного им крестьянства очевидна. В общем, как говорил герой Ш. де Костера, «пепел Клааса стучит в мое сердце» [1, с. 116; 9, с. 248; 13, с. 360–422; 16].

Вопрос об освобождении крестьян от помещичьей власти также возникал и под влиянием персон, олицетворявших самодержавие, как та же Екатерина II, которая, несмотря на реальное нарастание крепостнического рабства в ее время, сама была противницей крепостничества и иногда инициировала его осуждение (случай с публикацией Г. Ф. Миллером произведения пастора И. Г. Эйзена фон Шверценберга, Наказ Уложенной комиссии). Движение в сторону крестьянской эмансипации имело место и применительно к некоторым лицам правящего сословия, правда, это явление все же стало характерным лишь в самом начале XIX в., пусть и А. Н. Радищев заговорил об этом несколько раньше (даже имея некоторое число своих последователей типа И. П. Пнина). Но здесь разница была серьезной. Самодержавие почти ничего не теряло от реализации этой идеи освобождения, а дворянство существовало, в основном (конечно, не боясь во внимание жалованья тех, кто служил), за счет своей «крещеной собственности». И лишь тогда, когда местное дворянство, как это было в озёрских губерниях, само инициировало такое освобождение в 1816–1819 гг. (практически безземельное), правительство на него пошло, но в дальнейшем все же отказалось от такого плана «погубернского» освобождения из-за «язвы пролетариата», как писали тогда, и по другим причинам. Но наряду с этим существовал и указ 1803 г. о свободных хлебопашцах, но которому мало кто следовал (до реформы от 1 до 2 % крестьян было по нему освобождено – капля в море). Настоящего желания пойти на это освобождение, да еще с передачей крестьянам земли, пусть и за выкуп, мало кто из дворян выказал.

Заметим и то, что разговоры о крестьянской эмансипации даже в таком сообществе как декабристские организации, оставались преимущественно разговорами,

так как никто из них своих крестьян не освободил (не до конца ясен вопрос с И. И. Горбачевским), а всякого рода близкие к ним общества (такие как Общество 1820 г. П. А. Вяземского и братьев Тургеневых, Общество 1825 г. И. И. Пущина и др.) также не имели никаких серьезных итогов в этом отношении. Лишь немногие из них освободили несколько дворовых людей. Такие же последствия имели и усилия так называемых дворянских революционеров и подобных им радикалов позднейшей эпохи. Не имел серьезного успеха и довольно жалкий указ об обязанных крестьянах 1842 г., инициированный властями при учете дворянских интересов, так как крестьяне не получали по нему земли в собственность, а просто переходили на контрактные отношения с землевладельцами, да и то лишь по желанию помещика [7, с. 152–173, 225–231].

Заключение

В итоге на выходе оставался лишь известный тезис А. С. Пушкина из его «Деревни»: «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный и рабство, падшее по манию царя...» [14]. Так и случилось в эпоху реформы 1861 г., которая была проведена самодержавием при Александре II против воли огромного большинства дворянского сословия.

Список источников и литературы

1. Антология русской поэзии и прозы. XX век. Ч. 1 / сост. Г. Г. Гольдштейн, Н. С. Орлова; вступ. ст. Е. А. Таратуты. М.: Круглый год, 1994. 336 с.
2. Данилов А. Г. Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV–XIX вв.). Ростов н/Д: Феникс, 2007. 317 с.
3. Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. : в 2 т. Липецк: ЛГПУ, 2006. Т. 1. 311 с.
4. Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. : в 2 т. Липецк: ЛГПУ, 2006. Т. 2. 359 с.
5. Долгих А. Н. О попытке зондажа дворянского общественного мнения по крестьянскому вопросу Николаем I в 1840-е гг. // Манускрипт. 2018. № 7 (93). С. 31–34.
6. Долгих А. Н. «Пороховой погреб под государством»: пути решения крестьянского вопроса в России в эпоху правления Николая I. Историографические очерки. Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. 478 с.
7. Долгих А. Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. : историографические очерки : в 2 т. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. Т. 1. 354 с.
8. Жуковская Т. Н. К вопросу о реформаторских планах Александра I (1801–1825 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1992. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. Вып. 3 (№ 16). С. 91–93.
9. Керженцев Б. Ю. Октянное время. Россия в XVII – середине XVIII вв. М.: Вече, 2013. 304 с.
10. Ленин В. И. Гонители земства и аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. : в 55 т. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1979. Т. 5. С. 21–72.
11. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.
12. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М.: Мысль, 1990. 235 с.
13. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX в.) : в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 549 с.
14. Пушкин А. С. Деревня // Полн. собр. соч. : в 10 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 1. С. 361.
15. Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 360 с.
16. Савельев А. Н. Выдумки о «темном царстве» крепостничества // Русский Дом. 2011. № 2 (февраль). URL: www.russdom.ru/node/3671 (дата обращения: 22.09.2025).

17. Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М.: Мысль, 1982. 368 с.
18. Ячменихин К. М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов: Сіверянська думка, 2006. 444 с.

References

1. Goldshchtein, GG, Orlova, NS & Taratuti, YeA 1994, *Antologiya russkoy poezii i prozi. XX vek. Ch. 1.* (Anthology of Russian Poetry and Prose. 20th Century. Part 1), Kruglyy god publ, Moscow. (In Russ.)
2. Danilov, AG 2007, *Alternativy v istorii Rossii: mif ili realnost (XIV–XIX vv.)* (Alternatives in Russian History: Myth or Reality (14th–19th Centuries)), Feniks publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
3. Dolgikh, AN 2006, *Krestyanskiy vopros vo vnutrenney politike rossiyskogo samoderzhaviya v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX vv.: V 2 t.* (The Peasant Issue in the Domestic Policy of the Russian Autocracy in the Late 18th – First Quarter of the 19th Centuries. In 2 Vols), vol. 1, LGPU publ, Lipetsk. (In Russ.)
4. Dolgikh, AN 2006, *Krestyanskiy vopros vo vnutrenney politike rossiyskogo samoderzhaviya v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX vv.: V 2 t.* (The Peasant Issue in the Domestic Policy of the Russian Autocracy in the Late 18th – First Quarter of the 19th Centuries. In 2 Vols), vol. 2, LGPU publ, Lipetsk. (In Russ.)
5. Dolgikh, AN 2018, ‘O popytke zondazha dvoryanskogo obshchestvennogo mneniya po krestyanskomu voprosu Nikolayem I v 1840-e gg.’ (Attempt of Nicholas I to Monitor the Russian Nobility’s Opinion on the Peasant Issue in the 1840s), *Manuscript*, no. 7 (93), pp. 31–34. (In Russ.)
6. Dolgikh, AN 2022, «*Porokhovoy pogreb pod gosudarstvom*»: puti resheniya krestyanskogo voprosa v Rossii v epokhu pravleniya Nikolaya I. *Istoriograficheskiye ocherki* (‘A Powder Keg Under the State’: Ways to Solve the Peasant Issue in Russia during the Reign of Nicholas I. Historiographical Essays), LGPU publ, Lipetsk. (In Russ.)
7. Dolgikh, AN 2018, «*Uvizhu l, o druzya, narod neugnetenniy...*»: *Rossiiskoye dvoryanstvo i krestyanskiy vopros v XVIII – pervoy chetverti XIX v. Istoriograficheskiye ocherki: V 2 t. T. 1* (“Will I see, friends, an unoppressed people...”: The Russian Nobility and the Peasant Issue in the 18th – First Quarter of the 19th Century. Historiographical Essays. In 2 Volumes), vol. 1, LGPU publ, Lipetsk. (In Russ.)
8. Zhukovskaya, TN 1992, ‘K voprosu o reformatorskikh planakh Aleksandra I (1801–1825 gg.)’ (On the Reform Plans of Alexander I (1801–1825)), *Vestnik of Saint Petersburg University. History, Linguistics, Literary Criticism*, no. 3 (16), pp. 91–93. (In Russ.)
9. Kerzhentsev, BYU 2013, *Okayannoye vremya. Rossiya v XVII – seredine XVIII vv.* (The Cursed Time. Russia in the 17th – Mid-18th Centuries), Veche publ, Moscow. (In Russ.)
10. Lenin, VI 1979, ‘Goniteli zemstva i annibali liberalizma’ (The Persecutors of the Zemstvo and the Hannibals of Liberalism), *Polnoye sobraniye sochineniy: v 55 t.* (Complete Works in 55 Vols), vol. 5, pp. 21–72. (In Russ.)
11. Mironenko, SV 1989, *Samoderzhaviye i reformi. Politicheskaya borba v Rossii v nachale XIX v.* (Autocracy and Reforms. Political Struggle in Russia at the Beginning of the 19th Century), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
12. Mironenko, SV 1990, *Stranitsi taynoi istorii samoderzhaviya: Politicheskaya istoriya Rossii pervoy polovini XIX stoletiya* (Pages of the Secret History of the Autocracy. Political History of Russia in the First Half of the 19th Century), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
13. Mironov, BN 1999, *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII–XX v.): V 2 t.* (Social History of Russia during the Imperial Period (18th–20th Centuries). In 2 Vols), vol. 1, Dmitriy Bulanin publ, St. Petersburg. (In Russ.)
14. Pushkin, AS 1962, ‘Derevnya’ (The Village), *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t.* (Complete Works in 10 Vols), vol. 1, Goslitizdat publ Moscow. (In Russ.)
15. Ruzhitskaya, IV 2015, *Zakonodatel'naya deyatel'nost v tsarstvovaniye imperatora Nikolya I* (Legislative Activity during the Reign of Emperor Nicholas I), Tsentr gumanitarnykh initiativ publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)

16. Savelyev, AN 2011, 'Vidumki o «temnom tsarstve» krepostnichestva' (Fantasies about the 'Dark Kingdom' of Serfdom), *Russkiy Dom*, no. 2, viewed 22 September 2025, www.russdom.ru/node/3671. (In Russ.)
17. Eidelman, NYa 1982, *Gran vekov. Politicheskaya borba v Rossii. Konets XVIII – nachalo XIX stoletiya* (The Edge of Centuries. Political Struggle in Russia. The End of the 18th Century and the Beginning of the 19th Century), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
18. Yachmenikhin, KM 2006, *Armiya i reformi: voennyye poseleniya v politike rossiiskogo samoderzhaviya* (Army and Reforms. Military Settlements in the Politics of the Russian Autocracy), Siverska dumka publ, Chernigov. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.09.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 20.09.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025